

ПРОРЫВ БОБРОВА

Вихрастый, с носом чуть картошкой –
ему в деревне бы с гармошкой,
а он – в футбол, а он – в хоккей.
Когда с обманным поворотом,
он шел к динамовским воротам,
аж перекусывал с проглотом
свою «казбечину» Михей.

Кто – гений дриблинга, кто – финта,
а он вонзался, словно финка,
насквозь защиту пропоров.
И он останется счастливо
разбойным гением прорыва,
бессмертный Всеволод Бобров!

Насквозь – вот был закон Боброва.
Пыхтели тренеры багрово,
но был Бобер необъясним.
А с тем, кто бьет всегда опасно,
быть рядом должен гений паса –
так был Федотов рядом с ним.

Он знал одно, вихрастый Севка,
что без мяча прокиснет сетка.
Не опускаясь до возни,
в безномерной футболке вольной
играл в футбол не протокольный –
в футбол воистину футбольный,
где забивают, черт возьми!

В его ударах с ходу, с лета
от русской песни было что-то.
Защита, мокрая от пота,
вцеплялась в майку и трусы,
но уходил он от любого,
Шаляпин русского футбола,
Гагарин шайбы на Руси!

И трепетал голкипер «Челси».
Ронял искусственную челюсть
Надменный лорд с тоской в лице.
Опять ломали и хватали,
но со штырей на льду слетали,
трясаясь, ворота ЛТЦ.

Держали зло, держали цепко,
Таланта высшая оценка,
когда рубают по ногам,
но и для гения несладок,
почет подножек и накладок,
цветы с пинками пополам.

И кто-то с радостью тупою
уже вопил: «Боброва с поля!».
Попробуй сам не изменись,
когда заботятся так добро,
что обработаны все ребра
и вновь то связки, то мениск.

Грубят бездарность, трусость,
зависть,
а гений все же ускользает,
идя вперед на штурм ворот.
Что ж, грубиян сыграл и канет,
а гений и тогда играет,
когда играть перестает.

И снова вверх взлетают шапки,
следя полет мяча и шайбы,
как бы полет иных миров,
и вечно – русский, самородный,
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров!